

ТАГАНКА В МАДРИДЕ

13 марта. 70 человек — актеры, постановочная часть, администрация — самолетом Ту-154 вылетел в Испанию. Всю ночь мадридский фестиваль искусств почти своим приглашенным спектакль «Мать» по М. Горькому, поставленный в 1968 году Юрием Любимовым. Час ночи по Москве, минут два часа по Мадриду. Был час — мы расползались в номерах отеля «Пласа». Площадь Испании, центр города, памятник Сервантесу с примыкающими к нему Дон Хихото и Санчо Пансой. Четыре миллиона жителей и три — автомашин. Кажется, если три милиона шуршат всю ночь под нашими окнами.

14 марта. Занятия общей. Информацию руководстве о мониторинге декораций, о репетициях для 18 испанских статистов (в роли роты царских солдат) и общих прогонах. Встреча с музыкантами оркестра Евгения Светланова. Обмен новостями и советы опытных коллег, где и как распрямлять с местной валютой в тех символических величинах, что получились каждому на недельное проживание. Знакомство с городом, солнцем, возмущающим чирками, которые тонок испанских исполнцев, хорошие лица, нет суевости, достоинство и снова — потоки машин. За день отдохнули от московской зимы, устали от мадридской жары, смонтировали декорации (художник Давид Боровский) и отпраздновали с солдатами (режиссер Борис Глаголин).

Ангель Гутьеррес, Вениамин Сметов и Валерий Золотухин. Мадрид, март 1988 года.

15 марта. Доброе настроение за завтраком разрушено новостью из Тагани: один из молодых актеров Тагани исчез в чудном нападении. Небывалое для нашего театра событие ошеломило к тому же правдоподобней: баяны: за две репетиции надо срочно вводить другого актера в немаловажную роль. Ну, ничего, за спектакль мы не боимся, из ситуации выйдем, как следует, боязнь у нас другого рода: по старым, привычным фактам могут появиться абсолютно новые люди — из руководства театра. Апрель. На роль Рабина назначен Константин Желдин (и справился, забегая вперед, превосходно).

16 марта. Две огромные репетиции. Николай Губенко вместе с Борисом Глаголиным и Давидом Боровским соединяют воедино актеров, испанцев-солдат, световую партитуру, музыку и оформление «Матери».

Меню, двумя репетициями — пресс-конференция. Губенко рассказывает биографию и смысл жизни Театра на Таганке. Вопросы журналистов, как мы и ожидали, Юрию Любимову, о «кляксе Горького и...», Сбежании Маслова. Утолить их любопытство мы могли лишь по двум первым пунктам. О разнообразии в советском театре известно примерно следующее: есть один на весь театр Станиславского, а все остальное — незаконно-рожденная самодеятельность. Из слов развязать веревку не очень удалось, признания и изумления появились в газетах позже, когда они увидели спектакль. Валерий Золотухин обратил внимание испанцев на их нехорошее отношение к своим талантам: его учитель по ГИТИСу, он же друг Таганки с первых лет, он же — известный советский, он же — испанский режиссер и педагог Ангель Гутьеррес, великого театрального искусства со своим хитрым театром, но его упорно игнорируют газеты и органы культуры Испании. И по делу, и по юмору встреча с журналистами прошла на высоте.

Ночь после неравного прогона спектакля в номере, у главного режиссера собралась акция театра.

Сообщение: по приглашению фестиваля завтра в Мадриде появится создатель Театра на Таганке Юрий Петрович Любимов. Естественно его присутствие на представлении его детища. Естественно, мы были единомышленниками, когда Губенко опросил каждого. Естественно, качественное сияние ни у кого в ту ночь не было.

17 марта. День премьеры. Утро — репетиция с солдатами, с Желдиным — Рабином, со светом и т. д. С 14 до 15.30 — ожидание вестей из аэропорта. Встреча состоялась, и все описать невозможно: пять лет без двух месяцев дилетантская работа. Юрий Любимов вместе с женой Катей подробно общался с каждым актером, электриком, костюмером, радистом... Номер нашего директора Николая Дупака на два часа оказался самым удачным в истории спектакля. Об этом умолчу. Главное — вечером. Спек-

такль по первым мостовым, поклонился людям Эль Гико, загорали под жарким щедрым солнцем, фотографировались на фоне улочек и тротуаров, в обиходу с муляжами-рыцарями и на фоне витрин с толстыми оруженниками. Мы общались за три часа (это совсем немного) основные залы великого музея Прадо... Никогда бы хоть один из нас не кинулся в студию свою кровью участники события до температуры наблюдателя, он бы изрядно повеселелся. Ибо точно так же, как воле роля в театре, в Прадо ли, на улицах Мадрида или Толедо, жителями была одна и та же: актеры Таганки, из глаза и жесты, их речи и ритмы общения были посвящения, увы, далеко не Сервантесу и даже не Эль Гико. Здесь и без перевода дилетантская ересь, что это за семейные мероприятия.

Николай Губенко объявил о сборе труппы на замечания по спектаклю. Кажется, это было после второго представления. 8.15.30 все как один сидели в зрительном зале, а Любимов, Айрисонис и сцене, делался впечатлением, радистом уведенным через пять лет... Какие были лица у актеров... Вернее, какое было лицо у всех, кто сидел в зале

и к кому обращался автор театра и спектакля...

Прекрасны рассказы об истории Испании, об истоках природной театральности и яркие иллюстрации к ним: таверна XVII века и ночная дискотека андалусского танца (спасибо ученикам и артистам Анхеле Гутьерреса). Зашли на минутку, а зазвучали были навсегда — музыка, культурной тача, красотой и изобретательностью движений, страстью гордых кабальеров, не снимающих улыбок со своих лиц. В пять утра явился исполнитель фламенко, и 70-летний Любимов выразил свои чувства ко всем событиям тем, что включился в танец вместе с профессионалами...

Прошу прощения, но я нарушил строгость календаря... Мы помним детально весь насыщенный календарь работы и встреч на фестивале. Мы не забудем ночных прогулок по Мадриду — и автолаксонсов до утра в честь победы испанцев-футболистов над немцами, и голых плеч живописно укрытых с голой бездомной у подвздошных спящих одиозов. Все закончим, за добро благодарны и даже не обиделись на резкие скачки погоды, отчего у многих свели голоса. Слава богу, выдержала нелегкое испытание главных героев, наша Зинаида Славина — Илона. Мы не забудем и того, как все дни и ночи трудился, парализовал и помогал своему дому главный режиссер театра Николай Губенко... Но, все запомни в точности, как было, мы дружно запутаемся только в одном: сколько дней длился наш гастрольный тур. Директор утверждал, что восемь. Но в Москве 21 марта встречавшимся близким один говорил: «полгода», другие — «месяца восемь», третьи — «целую вечность»... Пожа-

луй, информация по возвращении сходится вот в каких пунктах:

Спектакль «Мать» принят с громадным успехом и публикой, и в печати.

Встреча с Любимовым была теплой, словно не расставались. Знаковая перспектива — его приезд в мае в Москву, на выпуск премьеры «Бориса Годунова» на Таганке...

Великодушие и щедрость — достояние богатых душой. Мы были бедны — и ждали на нашей улице мелочных счетов, кучинового огрызательства, казарменной грубости. Мы осознали свое богатство — богатство национальных и человеческих недр, богатство перспектив, богатство выстрадавшей свою необратимость перестройки — и мы можем позволить себе роскошь щедрого, благородного поступка. Составительность мнения в прессе: допуск частных инициатив в экономике, обучение кооперации и гласности — вот реальные признаки силы, и не беда, что хватает еще грязи на проезжей части и в потоке эпистолярного откликов, ибо сия грязь, ибо судорожные рычки к месту бывшей кобур в ответ на несогласие — все это пережитки бюрократического феодализма. Признай силы, истины, — это лица Министерства культуры СССР, посланная Любимовым спектакль первым советским представителем театра на мадридский форум искусств. В результате — успех сценический и политический, который мы по-братски разделяем с коллективом Владимира Славина и Евгения Светланова...

Принимай силы — это, конечно, доверие художником. А доверие — плодородно.

Вениамин СМЕХОВ.

также в 20.30. Распевка перед ним за два часа. И никто не ждал, как обычно: зачем так рано собираться, можно отдохнуть, походить по городу... Яке в срок. Театр жила, как одна семья.

Композитор Юрий Буцко, один из лучших в стране и мире, впервые в жизни выехал за рубеж. Возле него, в зале роля — вся труппа. Распевка. Затем «Дубинушка» — песня, театральное воплощение которой давно описано советскими критиками и сотни раз отзывалось ожившим и у нас, и на постановке в Париже и Берлине... Итак, все внимание пятидесяти актеров на Юрий Буцко, звучат куплеты русской песни... Среди актеров — Юрий Любимов. Его дирижерская палочка, седая голова и молодое лицо, совместное пение и заманчивая Буцко — все это стирает испанскую реальность. Никаких пяти лет не было, никакого фестиваля не и в помине, ибо мы — на Таганке, из доре — московское лето, и не разлуку, ни колодов судьбы нам не общается...

Однако с 20 часов — активный прибой испанских зрителей к нашему милому бару. Африки, букары, биокетеры, прикритики с галунками, приветливая речь, корреспонденты и... зуд ожидания.

...Прошел час, и реакция на сцену «Дубинушка» прозвучала сигналом для любого знающего наше дело: успех обеспечен. Конечно, июньское предание нам не могло. Например, того, как дружно и долго вздыхают над войной аплодисментов «чисто испанские» выкрики «браво». Например, того, что в антракте актеры будут переодеваться и перекуривать под неслыханный мимический овал. Или того еще, например, что публика так славно никуда не спешит по окончании спектакля. Вроде бы отлопали, вроде бы вышли из дверей и пора бы в поздний час — по домам! Однако мы высосали на пустую сцену, чтобы сделать фотоснимок на память и... даже вздрагивали: зрители вернулись и снова хлопоты... Хорошо, что у нас есть переводчики, они объяснили, что это — семейное мероприятие.

Мы сидим на лодке в Толедо,